

Читайте в «Сельской жизни»

БЫТЬ ЛИ ОБОЗОСТРОИТЕЛЬНОМУ?

Закон о государственном предприятии гласит: при различных обстоятельствах и неплатежеспособности отсутствии спроса на пропускную способность завода может быть прекращена.

Именно в таком незавидном закрытии. Уже начались массовые увольнения рабочих. Головами не решались на предпринятиях самые важные хозяйственные вопросы. Частенько стоят склонные. Быть или не быть заводу? Он на грани в наркотике государства: сколько

бы ни дали — все равно хорошо. Полгода жить можно, а там и погибнуть. И вновь вопрос о гранитной краине. Но разве обозостроительный завод, герево-обрабатывающий производство не нужны городу, области, краю? Разве нельзя, кроме того, обозостроительный заглядывал в будущее: сколько

продадут их населению, выполнить индивидуальные заказы, наладят для завода рентабельную продукцию. Только что это значит?

«Банкротство» — так называется статья во вчерашнем номере «Сельской жизни». Она напечатана под рубрикой «Реформа предъявляет счет».

Г. ПАЦАНЫ

«Они же пацаны», — сказал начальник колонии Н. Черепанов. Но тогда и обратил внимание на сажемое это сидение, просто подходит к ситуации, и все. Не возникло ощущения, что слово «пацаны» вовсе не оговорка, а внутреннее убеждение, выросшее из скучного почтвенно-жесткой и до предела регламентированной его жизни внутри «жокейской». Было еще рано это понять.

Прежде престояло всмотреться в них, как те похожи на своих сверстников. С опущением непрятного открытия осознать, например, что это глаза, совершенно туже на почти детских, не знающих бритых лицах, действительно привлекают людям в возрасте от четырнадцати до восемнадцати. Что одеты в черные майки, беседующие у забора, скучные на жесты и улыбки, на самом деле — мальчики. Наутро после комендантской позвонил Петин, сказал: «Сделал вчера контрольные отпечатки, и, знаешь, до сих пор не смею: никогда не видел на своих пленках столько задумавших лиц.

И все же проблема ребяческой исподнейности, открытые отклики на добродусть, рабская неизменность ульбки, пусть и готовы в любовные окаменеть, — это есть. Когда такие наблюдения сложаются в памяти одно к другому, понемногу слабеет ощущение неестественной тяжести, что несет первое столкновение с внутренней жизнью колонии. Вот тогда наступает момент, когда цельная не согласиться с начальником колонии; да, в сущности, они — пацаны.

Здесь пройдут остатки их детских лет, отростки, наступят юношество. Потом, в адресной жизни, всего этого не вернут никакими чудесами.

При приближении офицера воспитанник должен осмотреться, проверить свой внешний вид, одернуть фуфайку, принять стойку «смирно», руки по плечам. Повернуться так, чтобы видно было притомлину на груди, массу притомлину пластмассы с надписью: «стажист-отряд №...». Зона. Здесь есть в основном только официальные отношения двух сторон: одной — карающей и другой — обязанной нести кару: отбывания, с тщательной подробностью определенные законом и по этой причине исключающие педагогические наименования. В этом частоколе исключительных условий Черепанов нашел свободное пространство, сквозь которое, как руку помощи, протянул им свойское слово «пацаны», наполненное участием, состраданием, верой в их будущее. Этот факт отошел на счет журналистского везения, потому что, к великому сожалению, таких начальников по нашим колониям искать искать.

Хотя тех, других, тоже можно назвать, потому что, согласитесь, не так уж просто испытать чувство сопротивления преступнику. Особенное, если ты практически каждый день перелистываешь личные дела воспитанников с отнюдь не детскими «шапками» да к тому же хорошо помнишь, что государство определило тебя на должность человека, обязанного привести в исполнение приговор суда. Сделать так, чтобы осужденный осознал всю глубину содеянного. Для того и существует зона, чтобы подавить любую попытку исправления. Но если бы колония посредством своего режима могла исправлять преступников и возвращать обществу активных, полноценных людей, она заслужила бы вечную славу. Славы нет, и нет надежды заработать ее строгостью и наказаниями мест заключения.

На этой территории человек в черном сам подобен маленькой зоне. За ходячим колотым отчуждением, упорной скрытостью, воспитанными не знающими жалости и снисходящих законами колонии, скрытыми от всех окружающих потемки его душ. Тот, кто смог в конце концов пройти сквозь это нематериальное, самое замысловатое на свете ограничение, сделал тяжелую работу. Но без нее нельзя. Невозможно бесконечно карать. Они должны возвращаться.

СОВЕСТЬ

Наверное, в всяком случались в жизни поступки, одно лишь воспоминание о которых вызывает чувство стыда. Переежавший такое, наверное, поймет, как страшно должна болеть совесть под гнетом совершенного преступления. В колонии, за неделю изложенной вдоль и поперек, некуда деться от себя и никому нельзя рассказать, подробностей, рвущих луну. Не подлежит передаче. Так свирепеет самый легкий суд: один на один с собой.

(Продолжение. Начало в № 252.)

КОЛОННИЯ

тат, она откроет, и они ее берут». Я знаю, что это не так. Учителя начальных классов из сельской средней школы было двадцать два года, свидетели, проходившие по делу, обращали внимание суда на ее скромность, беззащитность и почему-то на физическую хрупкость. Это последнее обстоятельство вряд ли важно: трое здоровенных деревенских подростков могли управиться с кем угодно.

Восемнадцатого января прошлого года учительница пошла к автостанции, хотела пойти к родителям. Тут они ее и встретили, отвели в заброшенный дом и изнасиловали. В деле — масса физиологических подробностей, отвратительных деланий рассказывающих о том, что может быть с человеком, обеспокоившимся от страха. Тогда они думали, что щокничат. А на самом деле убивали.

Мелник пишет, что с восемнадцатого по тридцатое января учительница, скорее всего, прожила в состоянии психического шока, она уже не была прежним человеком. Не едила к родителям, избегала общения. Тридцатого они встретили ее и снова насиловали. Тогда это была жестокость подростков, то ли их уже несло сознание безнадежности.

Из дома, где ее изнасиловали, учительница идет к мосту через реку. Следователь пишет, что, ударившись об дед она не умерла сразу, ползла до полыни. Она несколько раз подчеркивает это обстоятельство, словно хочет сказать: учительница считала смерть единственным исходом, она не оставила ей шансов на жизнь. Кости говорят: «Они, конечно, убили ее. Вот этот и этот... — «Почему ты так думаешь?» — «Смысла в камере СИЗО, они признались, что встретились ее возле моста и были падкой голове. Когда весной нашли труп, там, точно вся голова была разбита». — «Но в материалах следствия и суда нет версии убийства», — настаиваю я. «Да просто дело не хотели разматывать, вот и спровоцировали».

Мы долго сидим молча. За открытым окном логорят осенние листья. Тепло. Хлопочут внизу родители, приехавшие на свидания. Еще семь с лишним лет он не сможет выйти за ворота зоны. И говорит: «Кости, ты ведь придумал все это: и что она тебе рассказывала, и про убийство...». Он смотрит без уважения. Потом молча кивает. Он снова проиграл самому себе, и на разговор здесь, может быть, ни при чем.

В ПОТЕМКАХ

Но одно дело, когда изо дня в день, пусть в мугах и боли, свирепеет труд души, способный превратиться в очищающий огонь раскаяния. Из числа воспитанников колонии всем ли он доступен? Наверное, все же нет. Сергей Б. не умеет расписываться. В соответствующей графе он ставит крест. Просматривая одно личное дело, я увидел фамилию, написанную дрожащими линиями, словно писавший никак не мог

вспомнить очертания нужных букв. В ведомости ученика 4 «А» класса сплошь тройки, за третью четверть — четверка по арифметике. Возраст — шестнадцать лет. Связан говорить не может, память не уделяет логической связи нескольких фраз.

Интервью с воспитанником Александром Г.

— Ты можешь что-нибудь рассказать о преступлении, которое совершил?

— Нет.

— Но хочешь или не помнишь?

— Не помню ничего.

краткого семейного совета решений детей — в интернат. Так они стали одни мыть жизнь, без всякой поддержки, но крепко держась друг за друга.

Друг, Игорь Ж., появился позже. Такой же неустроенный, как они, неухоженный, но у него были квартира и отец. Пацан в основном был занят приятелями, но и пацанов без внимания не оставлял. За что и был убит однажды вечером в своей комнате.

Волода понимал, что Игорь не плавил своего отца, то же самое чувство он испытывал в летах, которые демонстративно не замечали их с сестрой существования.

Но убийства он не признавал, и влечески пытались отговорить друга. Порой они спорили часами, чем дальше, тем длинее были споры.

Наконец, однажды он сказал: «Ладно». Вечером отец был убит.

Они сделали это не столько из невысокости, сколько от страха. Просто пацаны загнали их в угол. Он, верещавший, посыпал пацанов на крахмал, но они возвращались в чем-то.

Их однодушно упирало, из сущих пропах чувств осталось только желание выплыть как следует, скрытый колющий придавал экзекуции особую изощренность и жестокость. Он смылся над ними.

В тот вечер пацаны крепко посыпали с приятелями, устали и отправились спать. «Весь», — сказал Игорь Ж. пошел за ножом. Волода он поставил в головах на случай, если отец начнет дергать руками. Тогда они со страхом поняли, что уже не отступят. В деле написано: подросток нанес несколько ударов колющим предметом в жизненно важные центры. Возможно, ненависть сделала его неожиданно сильным.

Но то, что они сделали после, поистиже почти невозможно. Волокут труп на кухне, вспарывают живот, достают кишки и варят их на плите. Где и когда, от кого мог услышать Игорь, что эта дикая пропахнута любым уничтожением трупных зачатий в квартире, не от своей ли жертвы? Вполне вероятно, отец с религиозным пропылом много басен из жизни воров рассказал своему наследнику. Он и убит был самим собой, только руками сына.

Пацаны провели страшную ночь в квартире, залитой кровью, наедине с трупом и страшным варевом на плите. К утру расплющенное покровное тело, рассорванное по мешкам, было вынесено, утоплено в реке и частью зарыто. Но пережить всего этого они не смогли, пошли в прокуратуру с повинной.

Когда мы говорили о преступлении, его жизни здесь, о будущем, отчетливо чувствовалось, что многое обдумано глубоко и последовательно. Игорь, что эта дикая пропахнута любым уничтожением трупных зачатий в квартире, не от своей ли жертвы? Вполне вероятно, отец с религиозным пропылом много басен из жизни воров рассказал своему наследнику. Он и убит был самим собой, только руками сына.

Пацаны провели страшную ночь в квартире, залитой кровью, наедине с трупом и страшным варевом на плите. К утру расплющенное покровное тело, рассорванное по мешкам, было вынесено, утоплено в реке и частью зарыто. Но пережить всего этого они не смогли, пошли в прокуратуру с повинной.

Когда мы говорили о преступлении, его жизни здесь, о будущем, отчетливо чувствовалось, что многое обдумано глубоко и последовательно. Игорь, что эта дикая пропахнута любым уничтожением трупных зачатий в квартире, не от своей ли жертвы? Вполне вероятно, отец с религиозным пропылом много басен из жизни воров рассказал своему наследнику. Он и убит был самим собой, только руками сына.

После обеда их собрали перед заседанием суда. Там, где откладывалась на год, сорвалась надежда на реабилитацию. Игорь Ж. был оправдан. Судебный приговор: «Ж. был склонен к злодеянию, заслужил, чтобы его убили. Но даже тогда мне стало не по себе, мы же человека убивали». И пытаются прояснить: «Значит, ты считаешь, что как личность он заслужил смерти, а как человеческое существо — нет?». И он отвечает: «Может, и так, ноузелок этот просто не развязывается».

Ему отдался срок до окончания срока. Все время, пока он в зоне, сестра половина стипендии тратит на передачи и поездки «сюда». У нее в принципе решен вопрос со связью, но без него она замуж выходить не хочет. Может быть, считает, что лучше всего им вместе, в один день, начать новую жизнь.

После обеда их собрали перед заседанием суда. Там, где откладывалась на год, сорвалась надежда на реабилитацию.

Они появляются в зоне не вдруг. Их из этих пацанов, всегда отмечавшихся, не сошли с места.

Игорь Ж. — вчера в зоне, сегодня в зоне.

Они появляются в зоне не вдруг. Их из этих пацанов, всегда отмечавшихся, не сошли с места.

Игорь Ж. — вчера в зоне, сегодня в зоне.

Они появляются в зоне не вдруг. Их из этих пацанов, всегда отмечавшихся, не сошли с места.

Игорь Ж. — вчера в зоне, сегодня в зоне.

Они появляются в зоне не вдруг. Их из этих пацанов, всегда отмечавшихся, не сошли с места.

Игорь Ж. — вчера в зоне, сегодня в зоне.

Они появляются в зоне не вдруг. Их из этих пацанов, всегда отмечавшихся, не сошли с места.

Игорь Ж. — вчера в зоне, сегодня в зоне.

Они появляются в зоне не вдруг. Их из этих пацанов, всегда отмечавшихся, не сошли с места.

Игорь Ж. — вчера в зоне, сегодня в зоне.

Они появляются в зоне не вдруг. Их из этих пацанов, всегда отмечавшихся, не сошли с места.

Игорь Ж. — вчера в зоне, сегодня в зоне.

Они появляются в зоне не вдруг. Их из этих пацанов, всегда отмечавшихся, не сошли с места.

Игорь Ж. — вчера в зоне, сегодня в зоне.

Они появляются в зоне не вдруг. Их из этих пацанов, всегда отмечавшихся, не сошли с места.

Игорь Ж. — вчера в зоне, сегодня в зоне.

Они появляются в зоне не вдруг. Их из этих пацанов, всегда отмечавшихся, не сошли с места.

Игорь Ж. — вчера в зоне, сегодня в зоне.

Они появляются в зоне не вдруг. Их из этих пацанов, всегда отмечавшихся, не сошли с места.

Игорь Ж. — вчера в зоне, сегодня в зоне.

Они появляются в зоне не вдруг. Их из этих пацанов, всегда отмечавшихся, не сошли с места.

Игорь Ж. — вчера в зоне, сегодня в зоне.

Они появляются в зоне не вдруг. Их из этих пацанов, всегда отмечавшихся, не сошли с места.

Игорь Ж. — вчера в зоне, сегодня в зоне.

Они появляются в зоне не вдруг. Их из этих пацанов, всегда отмечавшихся, не сошли с места.

Игорь Ж. — вчера в зоне, сегодня в зоне.

Они появляются в зоне не вдруг. Их из этих пацанов, всегда отмечавшихся, не сошли с места.

</div

